

В комнате было так тихо, что можно услышать звон упавшей иголки.

Взгляд Ле-эра и остальных слуг был полностью обращён на Фэн Мина, а сами они, затаив дыхание, ждали.

Юноша, набравшись смелости, прямо посмотрел на Ле Чжунлю и, понизив тон, сказал:

— Без господина Жун Тянь всё равно объединит страны. Однако если господин протянет руку помощи, то процесс объединения значительно ускорится.

Юноша понимал, что сейчас каждое его слово имело несравнимый вес, и в душе относился к своему ответу крайне нерешительно. Однако в данный момент этого нельзя было показывать, ведь если уже скачешь верхом на тигре — слезть трудно[1], ему только и оставалось, что действовать решительно, несмотря на трудности, и с непринуждённым видом говорить уверенно и легко.

— Мы чаще думаем о последствиях объединения, однако всё больше пренебрегаем процессом этого объединения, заставляя безвинный народ терпеть множество невзгод. Если начнётся великая битва, крепкие люди отправятся на войну, старики и дети станут бездомными бродягами. Если боевая обстановка не сдвинется с мертвой точки, то из-за великой битвы объединение мира может затянуться на два или три десятилетия. В итоге неважно, кто окажется на престоле, страны уже будут подвергнуты почти одинаковому угнетению. Только подумайте и сразу поймёте, что такое будущее заставит народ сильно опечалиться. Если у Жун Тяня окажется такой выдающийся человек, как господин, и поможет ему, то император Силэй тщательно всё спланирует, а я поверю, что дело непременно может измениться.

Поначалу Фэн Мин думал уговорить Ле Чжунлю выступать в качестве опоры Жун Тяню, однако, пока говорил, юноша невольно вспомнил битву на большой реке Оман: по слухам, после сражения на залитом кровью берегу реки пророс кроваво-красный рис, отчего охватывало гнетущее чувство.

Та битва хоть и являлась победной для Силэй, однако Жо Янь по-прежнему был жив, словно дракон и тигр, и если императорские дни, как и жизнь, были защищены, словно находились в руках хранителя жизни, только вот простые рядовые солдаты, которые защищали императора, не были себе хозяевами. Они на самом деле, возможно, являлись земледельцами, охотниками или ремесленниками, которые плели большие корзины.

Во все века в какой войне за власть не проливалась невинная кровь?

— Все битвы одинаковы: кто-то штурмует с применением огня, кто-то использует воду, кто-то ведёт войну с клинками и отравляет посуду и вещи, равно как и те, кто прибегает ко всяческим уловкам. Тогда, если бы господин был рядом с Жун Тянем, возможно, в столице Дунфань не вспыхнула и не свирепствовала оспа, зверски убивая множество невинных людей.

Когда переполняют чувства, в словах звучит голос сердца.

Фэн Мин вздыхал от тяжёлых переживаний, говоря низким, лёгким и приветливым голосом, его губы смыкались и размыкались, заставляя вдумчиво вслушиваться.

— И на сей раз, если бы не господин, захватить Юэчжун было бы сложнее и не обошлось бы без убитых, поэтому Фэн Мин просит господина остаться. Я действительно не хочу, чтобы Жун Тянь завоевал Поднебесную через десятки лет безжалостных убийств. Позвольте спросить господина, на этот раз я смог своей речью убедить его остаться? — Тон Фэн Мина звучал ещё ниже и огорчённее.

Поначалу всем было любопытно, какие же слова взволнуют Ле Чжунлю, однако после услышанного невольно их сердца охватила печаль.

Связанная Вэй Цюнян сидела сзади на кровати, наполовину повернувшись спиной к толпе, и тоже тихо и внимательно слушала то, что говорил Фэн Мин. Но сейчас внезапно повернулась, и её прекрасные глаза пристально посмотрели на Ле Чжунлю, а сама женщина проговорила:

— Не следует отказываться! Ты целыми днями хвастаешься своей одарённостью и должен знать, что, помогая объединить все страны, можно лишит жизни множество людей. Разве тебе нравится убивать, проливая кровь?

Только войдя в положение, Фэн Мин оживился, почувствовав удачу, и без колебаний проговорил:

— Госпожа Ле права: успех генерала стоит многих жизней, в процессе объединения стран кровопролития не избежать, поэтому я умоляю господина остаться и не позволить крови невинных пролиться рекой. — И со сложенными у груди руками юноша поклонился Вэй Цюнян, от всей души проявляя учтивость. — Умоляю госпожу помочь.

Женщина не ожидала, что юноша сможет сделать такой ход, однако всё же немного испугалась. Она смерила взглядом Фэн Мина и, не увидев на его лице и тени фальши, в глазах Вэй Цюнян промелькнул блеск лёгкой хитринки, после того, как она глубоким взглядом посмотрела на юношу, фыркнула и проговорила:

— Разве могут несколько приятных слов взволновать меня, Вэй Цюнян? — И, отвернувшись в другую сторону, она больше не обращала на юношу внимания.

Ле Чжунлю, приближаясь к говорящему Фэн Мину, совершенно не изменился в лице и, сейчас глядя в окно, стал отдалённо грустным и тихим голосом повторять слова юноши:

— Успех генерала стоит многих жизней... На протяжении сотен и тысяч лет каждый хочет достигнуть императорской власти, но кто думал о невинных у себя под ногами? — Было

ощущение, что во рту у мужчины были большие и тяжёлые ягоды маслин, которые он без конца пережёвывал.

Опешив на мгновение, мужчина наконец-то обернулся к ждущей с нетерпением толпе и со вздохом сказал:

— Хоть слова князя Мина нельзя назвать самыми привлекательными и убеждающими в мире, однако в них проявляется доброта. Все эти годы Ле Чжунлю блуждал повсюду и тайно наблюдал за чиновниками и знатью всех одиннадцати государств, но ни один из них не сравнится с князем Мином.

Фэн Мин с лёгким напряжением спросил:

— Господин может ответить мне немного яснее? И Вы мне ещё не сказали, согласны Вы или нет?

Стоящие в стороне Цю Юэ и остальные слуги тоже с тревогой в сердце и напряжением ждали ответа.

Ле Чжунлю кивнул, говоря:

— Конечно же это является согласием. — Тонкие губы слегка вытянулись, обнажая тёплую улыбку.

Толпа из-за радостного события внезапно стала издавать приветственные возгласы.

В тот же вечер в резиденции старшего военачальника устроили большой банкет.

Запасы в пределах городской стены и горные деликатесы, а также вина и кушанья, какие можно было достать, с почётом и уважением подавались к столу. В маленьком захолустном Юэчжуне продуктов было немного, однако Жун Ху вместе с людьми неожиданно отыскал в хранилище около десятка больших кувшинов вина, которые были спрятаны специально для солдат. Хоть вино нельзя было считать чудесным, однако, чтобы оживить атмосферу, его было вполне достаточно.

Цю Лань прежде всего, находясь в резиденции главнокомандующего, выбрала более десятка очаровательных, умных и сообразительных служанок, которые готовы были петь и танцевать. Конечно, это место отличалось от императорского дворца, и было слишком поздно готовить ослепительные наряды для танцев, однако Цю Юэ мгновенно нашла выход и приказала служанкам взять разноцветные ткани, которые разрежала на длинные шёлковые ленты и завязала их на плечи и спины. Вместе с этими лентами девушка использовала свежие цветы, что были собраны в горном лесу, и результат к удивлению получился очень достойным и великолепным.

Увидев это, Фэн Мин зааплодировал, восхищаясь, и сказал Цю Юэ:

— У тебя потенциал модельера, если бы мы были в... Ик, так или иначе, как только в Поднебесной воцарятся мир и покой, то сможешь открыть свой собственный магазин одежды и зарабатывать большие деньги.

От похвалы юноши Цю Юэ покраснела и с безграничным счастьем поклонилась, после чего убежала к Цю Лань и остальным слугам, где с хихиканьем продолжила разучивать танец.

Ле-эр по-прежнему таил обиду на ту, что «стреляла в нашего государя», Вэй Цюнян. После того как городская стена была разрушена, юноша предполагал, что схватит эту дерзкую и злую женщину и избьёт её, только кто бы мог подумать, что всё произойдёт наоборот: вместо того, чтобы быть избитой, сама Вэй Цюнян станет нападать на собственного мужа!

Однако сейчас, когда дело приняло совершенно другой оборот, и поскольку она являлась супругой нового министра Силэй, Вэй Цюнян нельзя было ни препятствовать, ни даже трогать.

Ле-эр прикидывал в уме так и этак, и наконец придумал зловерный план, и побежал к Фэн Мину, чтобы подговорить его пригласить Вэй Цюнян участвовать в праздничном банкете в честь вставшего на пост министра Ле Чжунлю.

Сам же Фэн Мин, нахмутив брови, сказал:

— Нет, я не согласен. Однако эта Вэй Цюнян очень злая женщина, к тому же она будет категорически против, чтобы господин помогал Жун Тяню. Если по чистой случайности она во время банкета устроит скандал, нам-то будет всё равно, а вот господину, пожалуй, будет неловко.

Ле-эр изначально хотел позволить ей увидеть собственными глазами, что дело уже сделано, чтобы только позлить эту тигрицу[2].

Воспользовавшись отсутствием Жун Тяня, юноша стал крайне смелым и, дурача Фэн Мина, проговорил:

— Ле Чжунлю очень уважает свою жену, и если не позволить ей принять участие в таком важном торжестве в его жизни, то, боюсь, потом он будет сильно сожалеть об этом.

— Вот как? — Фэн Мин почесал затылок и после долгого размышления проговорил: — Кажется, здесь есть смысл. Хм, тогда попрошу её мужа тоже принять участие. Я лично об этом позабочусь.

— Нет-нет-нет, князь Мин слишком занят другим. Этим пустяком я сам немедленно займусь.

Получив разрешение Фэн Мина, Ле-эр, словно струйкой дыма, тотчас же убежал в комнату, где была заперта Вэй Цюнян.

Увидев в дверном проёме стерегущих охранников, юноша понизил голос и сказал:

— Она в комнате одна?

Охранник сказал в ответ:

— Сперва вернулся господин Ле и составил ей компанию, но недавно, похоже, он ушёл по делам, только неизвестно куда.

Ле-эр, как только услышал об этом, сильно обрадовался, прошептал несколько слов охране, после чего приказал открыть замок и самоуверенной походкой вошёл в комнату.

У Вэй Цюнян по-прежнему руки были связаны за спиной, а сама женщина, как и прежде, сидела на кровати, словно не меняла положения. Услышав, что дверь открылась, Вэй Цюнян резко повернулась, увидела Ле-эра и опустила голову и, не обращая на него внимания, вздохнула, после чего, как прежде, отвернулась, проявляя полнейшее равнодушие.

Ле-эр покашлял:

— По приказу князя Мина прошу госпожу переодеться, причесаться и, подготовившись, отправиться на банкет.

На что Вэй Цюнян презрительно проговорила:

— Банкет, что за вздор?! Ле Чжунлю, этот подлец, настолько осмелел, что сразу же без моего согласия дал обещание этому подлецу, Жун Тяню. Я не пойду! — Было ясно, что она сильно гневается и, не обращая внимания на этикет, присущий женщинам, и не разделяя на свой-чужой, назвала Ле Чжунлю и Жун Тяня одним словом «подлец».

— Хе-хе, если ты сказала, что не пойдёшь, значит, не пойдёшь? Пленная, у тебя что, есть право говорить «нет»? Ты стреляла в нашего государя, к тому же я ещё не поквитался с тобой, сейчас как раз схвачу и потащу тебя волоком, чтобы посмотрела, как твой супруг примкнёт к нашему государю. Ох, мне ещё нужно приказать людям нарядить тебя в прекрасное платье, в нём будешь красивой, а потом вновь завяжу тебе руки за спиной, посмотрим, насколько разгневанной женщиной ты можешь быть.

Ле-эр не собирался ставить её в затруднительное положение, только в словах сквозило желание запугать, обмануть, вызывая её гнев, таящийся в душе.

Однако кто бы мог подумать, что на все угрозы Вэй Цюнян, похоже, вовсе никак не собиралась злиться и реагировать. Услышав слова Ле-эра, женщина холодно обернулась и, смерив юношу взглядом, внезапно с презрением улыбнулась:

— Как я могу? На торжественном обеде я лишь могу рассказать твою историю, и всё, ведь это настолько интересно, что не только Жун Тяню, но и даже вашему князю Мину и его служанкам понравится слушать.

От этих удивительных слов Ле-эр замер.

— Какую ещё мою историю? — Тщательно подумав и всё поняв, юноша подошёл и безразлично рассмеялся: — Ты сейчас говоришь про те годы, когда я находился рядом с императором Юньинь? Да всем известно о том, что я в прошлом составлял компанию Вашему императору, если так хочешь, расскажи, никто не мешает. Ха-ха, я много слышал историй, послушаю и о себе.

Если Ле-эра охватило бы небольшое смятение, то, потеряв сочувствие, вероятно, на этом дело и кончилось бы, однако юноша, как назло, обладал непреклонным и заносчивым характером, а на лице словно с дерзостью было написано: «Я не боюсь, что бы ты ни сказала — мне плевать».

Тонким и чарующим женским взглядом Вэй Цюнян долгое время смотрела на него; похоже, не выдержав его надменности, женщина, легко сдерживая вишнёвые уста, произнесла лишь два слова:

— Юй Лан.

Ле-эра словно молнией поразило, он внезапно побледнел, красивое лицо слегка исказилось, а в глазах неожиданно отразилась шелковинка страха.

Поначалу юноша с самодовольный видом стоял в комнате подбоченившись, однако сейчас, казалось, что даже его ноги не в силах были удержать тело и, пошатнувшись, отступили на два шага назад. Столкнувшись с каким-то препятствием, вероятно с ножкой кресла, юноша на ощупь медленно опустился на него и спустя долгое время протяжно вздохнул.

Увидев внезапно растерянного юношу, Вэй Цюнян поняла, что проболталась. Хоть она и была сварливой и злой, однако ничего плохого не желала; увидев Ле-эра таким, женщина, сменив гнев на милость, мягким тоном проговорила:

— Не бойся, я больше не скажу об этом.

Ле-эр, стиснув зубы, сказал:

— А кто боится? Если хочешь рассказать об этом, то говори, не нужно жалеть меня.

Что бы там Ле-эр ни говорил, однако голос его немного дрожал.

Его с юных лет выдвинули на должность личного телохранителя Жун Тяня; сметливый, лукавый и повидавший множество людей, в столь юном возрасте он умудрился держать под контролем даже императора Юньинь, однако никогда не встречал такого хладнокровного и бесчувственного человека, как Юй Лан, чьи манеры были крайне жестокими.

Жо Янь хоть и был безжалостным и возмутительным, однако его методы были слабы в сравнении с методами этого человека, который загонял в очень мучительное положение — хотелось жить, но не выжить, хотелось умереть, но никак.

В итоге желание заставить Вэй Цюнян отправиться на банкет было отброшено в сторону, а сам Ле-эр, словно не хотел оставаться в комнате ещё на какое-то время, поднялся с места и, держась за спинку стула, немного постоял. Подождав, пока к нему вернётся устойчивость, юноша тотчас же направился к двери, покидая женщину.

Но стоило Ле-эру открыть дверь, как тело охватила внезапная дрожь.

Перед ним стоял Фэн Мин, который даже на волос не двинулся в сторону, а наоборот, густо заливаясь румянцем, начал объяснять:

— Я, правда, не нарочно подслушивал. Всё же из чистых побуждений я спешно примчался сюда, и как раз нечаянно услышал ваш разговор, к тому же было неловко вот так вламываться внутрь...

Ле-эр не являлся обычным юношей, успокоив дрожь и вернув прежний вид, он деланно улыбнулся, сказав:

— Ле, эта непреклонная женщина-генерал, не хочет отправляться на банкет, я никак не мог уговорить, может, князю Мину всё же удастся это сделать?

— Не хочет идти, ну и ладно. Не нужно заставлять.

— Тогда Ваш слуга отправится первым, так как у него остались кое-какие дела. — Ле-эр довольно учтиво поклонился Фэн Мину и ушёл.

Сам же князь покорно стоял в стороне, дождавшись, когда юноша скроется вдаль, он прошёл в комнату и вежливо позвал:

— Госпожа Ле.

Но Вэй Цюнян не проронила ни слова.

— Сегодня мы ради господина Ле устроили банкет, желая отпраздновать то, что господин остался. Не знаю, хочет ли госпожа оказать нам честь?

В ответ лишь молчание.

— Но, если госпожа не хочет, значит, так тому и быть. Мы не настаиваем. Только я думал, что господин, должно быть, и впрямь крайне надеется на появление госпожи. Цю Лань приготовила несколько вкусных блюд, ещё там будут песни и танцы, Жун Ху нашёл и принёс вина, и хоть если нет пристрастия к вину, однако еда очень аппетитна.

Фэн Мин уже догадался, что эта на первый взгляд хрупкая, но по характеру, как камень в уборной[3], упрямая женщина не обращает на его безостановочные уговоры внимания. Юноша, посчитав, что исполнил общественный долг по поводу приглашения, больше не стал ничего говорить.

— Раз уж госпожа не склонна идти, тогда я уйду. Я прикажу слугам подать Вам немного банкетного вина и кушанья. — Закончив говорить, Фэн Мин искренне распрощался, однако, подойдя к двери, остановился. Немного помедлив, словно внезапно принимая решение, князь развернулся и, подойдя к женщине, спросил: — В таком случае... госпожа может мне рассказать, что за человек этот Юй Лан?

Ничего не поделать — любопытство кошку сгубило.

Подслушивать, конечно, не хорошо...

Только раз уж подслушал, то сложно было любопытному ребёнку сделать вид, что он ничего не слышал.

Вэй Цюнян проронила:

— Если Вам действительно интересно, то почему бы не спросить лично у него, зачем спрашивать об этом меня?

Её слова звучали двусмысленно, отчего Фэн Мин тотчас же зарделся, ведь на самом деле это затрагивало болезненные воспоминания Ле-эра, а за его спиной расспрашивать об этом у постороннего человека и впрямь не великодушно. Юноша смущённо произнёс:

— Наставления госпожи показали, что Фэн Мин был неправ. — И вновь слегка поклонившись Вэй Цюнян, князь тихо отступил и удалился из комнаты.

Хоть женщина познакомилась с ними недавно, однако об императоре Силэй уже была наслышана, но сейчас стоящий перед ней красивый юноша, который проделал путь через Боцзянь в Ли, отправлялся с миссией в Фаньцзя, наделал кучу шума в Дунфань, умудрившись

попасть в руки самого талантливого в мире советника — Лу Даня, тайно заручился поддержкой императора Силэй Жун Тяня и являлся самым большим человеком в Поднебесной, лишь парой слов, сказанных в спешке, оставил о себе довольно неоднозначное впечатление. Юный князь не только не обладал острой надменностью Жун Тяня, наоборот, выглядел словно ребёнок, у которого и в мыслях не было создавать интриги, а его простодушие даже поражало.

Однако не проявил он в сегодняшнем разговоре своего красноречия и не скажи слова «процесс объединения стран значительно ускорится», которые, словно стрелы, с первого мгновения попали в цель, да ещё неизвестно откуда он узнал про фразу «успех генерала стоит многих жизней», пронзив чувство справедливости в Ле Чжунлю, то стал бы её муж по доброй воле подчиняться Жун Тяню?

Глядя вслед уходящему Фэн Мину, женщина, сжав губы, тщательно обдумывала всё произошедшее.

Сам же юный князь столкнулся с ещё одним спорным делом, которое было словно без путеводной нити, да к тому же он, словно мышь, что залезла в курильницу, ткнулся носом в золу и ушёл не солоно хлебавши. Несмотря на то, что ему больше не хотелось прибегать к расспросам, он всё же не мог избежать беспокойства. Выйдя в галерею, юноша увидел, как навстречу движется Цю Лань, держась рядом с любимым Жун Ху, и словно шёпотом о чём-то задумавшись беседуя. Покашляв, юноша озорно проговорил:

— Стоит поймайся и жениться, как тотчас же разленишься?

Застигнутая врасплох парочка испугалась, однако, подняв взгляд и увидев Фэн Мина, рассмеялась.

Цю Лань, немного отстранившись от Жун Ху, с негодованием проговорила:

— Князь Мин такой же, как и все, только насмехается. И впрямь отвратительно: сначала государь отдаёт приказ сочетать нас браком, а сейчас целыми днями над нами все смеются.

Жун Ху с улыбкой стал объяснять:

— Не разленились, просто смотрели, как поют и танцуют Цю Син и Цю Юэ, а Цю Лань сказала, что в горах слишком душно, да и князь Мин, наверное, страшно проголодался, потому-то специально тайком приготовила парочку блюд и захотела, чтобы я попробовал их.

— Тогда немедля иди и попробуй, только не забудь оставить и нам немного, не нужно съедать всё до крошки. А Цю Лань не стоит беспокоиться, я больше ничего такого не скажу, чтобы избавить вас от насмешек. — И Фэн Мин добавил: — Вы, когда гуляли здесь, не видели Ле-эра?

Цю Лань сказала:

— Видели-видели, только не перебросились и парой слов. Он прошёл мимо нас, даже не остановившись, лишь сказал, что хочет пойти проверить оборонные укрепления города, и умчался.

— Как он выглядел?

— Не как всегда, а лукаво и скрытно[4].

Жун Ху спросил:

— А что? Ле-эр что-то натворил?

— Ничего. — Фэн Мин, покачивая головой, сказал: — Я приказал ему отправиться к супруге Ле Чжунлю, чтобы пригласить её на банкет, но у госпожи слишком плохой характер, и я боюсь, что она накричала на Ле-эра. Можете пока идти.

Покинув Цю Лань и Жун Ху, юноша вернулся обратно.

Резиденция главнокомандующего сильно отличалась от императорского дворца, будто облако и грязь, и в ней было очень мало места. Перешагнув порог двух небольших ворот, юноша поднял голову и сразу же увидел перед глазами, как Цю Юэ и другие служанки репетируют танец, после чего князь сделал пару шагов вперёд, но чей-то силуэт внезапно перегородил путь. Не сказав и пары слов, силуэт обнял юношу за поясницу, тотчас же приподнимая его, и, специально склонив голову, спросил:

— Куда ты только что бегал? Большой банкет вот-вот начнётся, а ты, кто бы мог подумать, осмелился тайком улизнуть от этого императора?

Боясь омрачить Жун Тяня, Фэн Мин очень нежно улыбнулся ему и, само собой ослабив конечности, с удовольствием позволил взять себя на руки. Указав кончиком пальца на дверь, что находилась с левой стороны, князь сказал:

— Я голоден, а там есть немного лакомств.

Жун Тянь, крепко обнимая юношу, вошёл, куда указывали, однако выпускать из рук любимого категорически отказался, и, усадив к себе на колени, император Силэй взял одно блюдечко с лакомствами, что стояли на столе, и, держа в руках пирожное, потихоньку начал кормить Фэн Мина. Глядя, с какой жадностью ест юноша, Жун Тянь невольно улыбнулся:

— Твой вид с каждым днём становится всё важнее и важнее, только ты во всём мире можешь наслаждаться заботой этого императора.

Немного поев в полдень, перед тем как все служанки стали репетировать танец, Фэн Мин начал носиться туда-сюда по резиденции главнокомандующего, отчего уже несколько проголодался, и, сейчас находясь в объятиях Жун Тяня и чувствуя спокойствие и уют, юноша не проронил ни слова, лишь с довольным видом позволил мужчине накормить себя досыта.

Жун Тянь смотрел, как высовывается розовый язычок, принимая лакомства, на которые юноша указывал и просил разломать. На языке слабо сверкнула слюнка, соблазняя и волнуя сердце императора Силэй, отчего тот, не удержавшись, наклонил голову и, поцеловав Фэн Мина в лоб, прошептал:

— Я приказал сделать ещё чехлов из бараньих кишок. Хорошо, что здесь в Юэчжуне, в этом скромном жилище, кто-то разводит овец, а значит, свежие бараньи кишки найти будет... Ай! Маленький негодяй! — внезапно забранился мужчина, отстраняя кончики пальцев от рта юного князя.

Фэн Мин со злобой укусил Жун Тяня, оставляя на пальцах несколько одинаково-очаровательных отметин от зубов.

Однако уютные моменты всегда проходят словно на одном дыхании.

И вскоре к двум мужчинам, которые с трудом улучили момент побыть наедине, стали поступать разного рода сообщения. Докладывающий о военных делах Цзы Янь в очередной раз прибыл к императору, чтобы сообщить новости, после чего каждый из командиров, которые сопровождали императора Силэй в Юэчжун, стал тревожить его, и у каждого было то или иное дело, которое стоило доложить государю.

Чувствуя себя неловко, Фэн Мин не выдержал взглядов, что были направлены на него, так уютно устроившегося в объятиях Жун Тяня, и спешно спрыгнул с коленей императора Силэй. Мужчина не стал удерживать юношу и был вынужден позволить ему сесть на другой рядом стоящий стул.

Через некоторое время в комнату пожаловал Мянью Я, который временно отвечал за всеобщую разведку, и, обращаясь к Жун Тяню, доложил:

— Ваше Величество, Лун Тянь из Фаньцзя, видимо, уже погиб.

Сердце Фэн Мина внезапно подскочило, юноша обернулся и посмотрел на Жун Тяня.

Сам же император Силэй не очень-то удивился, ведь, в конце концов, госпожа Яое уже тогда говорила, что дни Лун Тяня сочтены.

К сожалению, с тех пор как Жо Янь ночью напал на главный лагерь, Жун Тянь потерял самый главный козырь — третью принцессу Фаньцзя — и сейчас, касаясь торжественного обряда, его

уже нельзя было считать таким торжественным.

Император Силэй спросил:

— Когда именно Лун Тянь умер? Его смерть наступила из-за яда? И кто был рядом во время его смерти?

Мянь Я, качая головой, ответил:

— Мы отправили шпиона, который принёс лишь эту малую часть информации. Это место слишком трудно достигаемое, дорога плохая, и Ваш подчинённый предположил, что пока новость долетела до нас, то, видимо, Лун Тянь уже долгое время был мёртв.

Новость облетела все четыре части света и распространилась очень быстро по реке Оман, которая граничила с государствами Тун, Юньинь, Фаньцзя, Чжаобэй, однако в горной местности, где находился город Юэчжун, о смерти Лун Тяня стало известно лишь на следующий день.

Жун Тянь приказал Мянь Я вновь как следует всё разузнать.

Стоящий в стороне Фэн Мин спросил:

— Что делать теперь? Третьей принцессы нет, Лун Тянь тоже умер, императорский род Фаньцзя сейчас, можно считать, погиб, и есть вероятность, что Жо Янь захочет прибрать к рукам Фаньцзя.

— Не захочет, а наверняка уже сделал. Жо Янь уже давно точит зуб на Фаньцзя и также давно расставил там немало своих значимых пешек, чтобы в один момент воспользоваться ими. Северо-запад Фаньцзя орошается притоком большой реки Оман, он является самым крупным и жирным куском этой страны, который Жо Янь успешно захватит, начав бороться за покорение всей Поднебесной.

— Что же касается мощи, то она значительно увеличится, что нам совсем невыгодно. — Фэн Мин напряжённо спросил: — Тогда что же нам сейчас делать? Плохо дело! Ты ещё не вернул себе престол Силэй, а если Тун-эр ещё вступит в сговор с Жо Янем, то мы тотчас же потерпим неудачу. — По поводу ведения кровопролитных боёв юноша всегда был не уверен. Он понимал, что начавшаяся война непременно принесёт гору трупов, прольются реки крови. От этих мыслей князь, не выдержав, довольно резко почесал затылок.

Заметив его обеспокоенный вид, Жун Тянь нашёл это забавным и одарил юношу несерьёзной улыбкой:

— Верно-верно, для нас это крайне невыгодно. Князь Мин, скорее придумайте какой-нибудь

простой выход из этой сложной ситуации, чтобы развеять горе этого императора, иначе за неумение вести дела сегодня ночью этот император накажет тебя. Хм, сколько раз лучше тебя «атаковать»?

В этот момент Мянью Я уже вышел из комнаты, однако ещё двое охранников, как раз пришедшие с докладом к императору, услышали слова Жун Тяня, которые тот нешёптал на ушко князю.

Фэн Мин не смог подавить смущение и, краснея, заругался:

— Из собачьей пасти не жди слоновой кости[5]. Как не стыдно, ты же государь. Кто бы мог подумать, что ты можешь шутить над делами государства? Хочешь найти выход, а разве сегодня этот князь Мин не помог тебе заполучить самого потрясающего первого министра? Вот только я заметил, что сейчас самое главное — как можно скорее отправляться в путь, и чем раньше мы доберёмся до Силэй, тем быстрее вернём тебе престол.

Жун Тянь кивнул и серьёзно сказал:

— Верно, так и нужно поступить.

Таким образом, мысли Фэн Мина были одобрены.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: невозможно остановиться, нет пути назад; загнать себя в безвыходное положение.

[2] Обр. о злой, рассвирепевшей женщине.

[3] В оригинале фраза звучит как «как камень [из которого сделан пол] в уборной — вонючий и твердый», обр. «твердолобый, своевольный, упрямый».

[4] В оригинале фраза звучит как «голова демона, мозг демона», обр. в знач.: хитрый, коварный, изворотливый, действующий скрытно.

[5] Обр.: не жди доброго слова от плохого человека.

<http://bllate.org/book/13377/1190198>